Чеховские прозрения

Этому можно только удивляться. Первым в России поднял вопрос об экологии не учёный, а писатель — Антон Павлович Чехов.

В XIX веке мало кого интересовали проблемы защиты окружающей среды. Однако в 1887 году Чехов написал рассказ «Свирель», где показаны важнейшие экологические проблемы России XIX века. О них говорит не барин, не интеллигент, не учёный, а малограмотный и нищий пастух. Но этот «человек из народа» искренне любит свою страну и переживает за её судьбу. Пастух встречается в лесу с барским приказчиком Мелитоном. Идёт обычный разговор по душам, и пастух произносит удивительную речь в защиту русской природы.

«Свирель» осталась малоизвестной даже для поклонников Чехова.

Рассказ не входит в массовые сборники произведений писателя. Критики в своё время отмечали в рассказе лишь «Общий серый цвет и критику общественной пошлости, которая усугубляется русской бедностью, нищетой, вырождением...». И никто не оценил блестяще выраженную Чеховым экологическую тему.

Мы привыкли к тому, что об экологии рассуждают специалисты и политики (по шпаргалкам учёных). Тем более интересно ознакомиться с мнением А.П.Чехова, выраженным устами простого и неграмотного крестьянина. Пастух видит общую картину деградации страны. Он говорит:

- Всё к одному клонится. Летошний год мало дичи было, в этом году ещё меньше, а лет через пять, почитай, её вовсе не будет. Я так примечаю, что скоро не то что дичи, а никакой птицы не останется.

Пастух горько усмехнулся и покачал головой.

— Удивление! — сказал он. — И куда оно всё девалось? Лет двадцать назад, помню, тут и гуси были, и журавли, и утки, и тетерева — туча тучей! Бывало, съедутся господа на охоту, так только и слышишь: пу-пу-пу! Пу-пу-пу! Дупелям, бекасам да кроншнепам переводу не было, а мелкие чирята да кулики, всё равно как скворцы или, скажем, воробцы — видимо-невидимо! И куда оно всё девалось! Даже злой птицы не видать. Пошли прахом и орлы, и соколы, и филины... Меньше стало и всякого зверья. Ныне волк и лисица в диковинку, а не то что медведь или норка. А ведь прежде даже лоси были! Лет сорок я примечаю из года в год Божьи дела и так понимаю, что всё к одному клонится.

— К чему?

— К худу, паря. Надо думать, к гибели... Пришла пора Божьему миру погибать.

Пастух надел картуз и стал глядеть на небо.

— Жалко! — вздохнул он после некоторого молчания. - И, Боже, как жалко!... И солнце, и небо, и леса, и реки, и твари — всё ведь это сотворено, приспособлено, друг к дружке прилажено. Всякое до дела доведено и своё место знает. И всему этому пропадать надо!

— Может, и скоро конец света, а только нельзя по птице судя. Это навряд, чтобы птица могла обозначать, — возразил Мелитон.

— Не одни птицы, — ответил пастух. — И звери тоже, и скотина, и пчёлы, и рыба... Мне не веришь, спроси стариков; каждый тебе скажет, что рыба теперь совсем не та, что была, И в морях, и в озёрах, и в реках рыбы из года в год все меньше и меньше. В нашей Песчанке, помню, щука в аршин ловилась, и налимы водились, и язь, и лещ, и у каждой рыбины видимость была, а нынче ежели и поймал щурёнка или окунька в четверть, то благодари Бога. Даже ерша настоящего нет. С каждым годом всё хуже и хуже, а погоди немного, так и совсем рыбы не будет. А взять таперя, реки... Реки-то, небось, сохнут!

— Это верно, что сохнут.

— То-то вот и есть. С каждым годом всё мельче и мельче, и уж нет тех омутов, что были... Меняет река русло и, гляди, доменяется до той поры, покеда совсем

высохнет. Здесь болота и пруды были, а нынче где они? А куда ручьи девались? У нас в этом самом лесу ручей тёк, и такой ручей, что мужики в нём верши ставили и щук ловили, дикая утка около него зимовала, а нынче в нём и в половодье не бывает путёвой воды.

— Да и леса тоже... — пробормотал Мелитон.

— И леса тоже... — повторил пастух. — И рубят их, и горят они, и сохнут, а новое не растёт. Что и вырастет, то сейчас его рубят; сегодня взошло, а завтра, гляди, и срубили люди — так без конца и краю, покеда ничего не останется... Пригляделся я за свой век и так теперь понимаю, что всякая растения на убыль пошла. Рожь ли взять, овощ ли, цветик ли какой — всё к одному клонится.

— Зато народ лучше стал, — заметил приказчик.

— Чем это лучше?

— Умней.

— Умней-то умней, это верно, паря, да что с того толку?.. Я так рассуждаю, что Бог человеку ум дал, а силу взял. Слаб народ стал, до чрезвычайности слаб. К примеру, меня взять... Грош мне цена, во всей деревне я самый последний мужик, а всё-таки, паря, сила есть. Мне седьмой десяток, а я день-деньской пасу да ещё в ночное стерегу за двугривенный и спать не сплю, и не зябну; сын мой умней меня, а поставь его заместо меня, так он завтра же прибавки запросит или лечиться пойдёт. Так-тось.

Я, акроме хлебушка, ничего не потребляю, и отец мой, акроме хлеба, ничего не ел, и дед, а нынешнему мужику и чаю давай, и водки, и булки, и чтобы спать ему от зари до зари, и лечиться. И всякое баловство. А почему? Слаб стал, силы в нём нет. Он и рад бы не спать, глаза липнут — ничего не поделаешь.

— Это верно, — согласился Мелитон. — Нестоящий нынче мужик.

— Нечего греха таить, плошаем из года в год. Ежели теперича в рассуждении господ, то те пуще мужика ослабли. Нынешний барин всё превзошёл, такое знает, чего бы и знать не надо, а что толку? Поглядеть на него, так жалость берет... Худенький, мозглявенький, словно венгерец или француз, ни важности в нём, ни вида — одно только звание, что барин. Нет у него, сердешного, ни места, ни дела, и не разберёшь, что ему надо... Так и живёт пустяком, и нет того в уме, чтобы себя к настоящему делу приспособить. Прежние баре наполовину генералы были, а нынешние — сплошной мездрюшка!.. А всё отчего? Грешим много, Бога забыли...

Мелитону захотелось жаловаться. Он подошел к старику и, глядя на его грустное, насмешливое лицо, забормотал:

— И жить стало хуже, дед. Совсем невмоготу жить. Неурожаи, бедность... Падежи то и дело, болезни... Одолела нужда. Восемь человек детей, жена... и мать ещё живая. От бедности жена осатанела, а сам я запоем... опротивел дом! Коли погибать миру, так уж скорей бы! Нечего канителить и людей попусту мучить... Прощай, дед. Как тебя звать?

— Лука Бедный.

— Ну, прощай. Лука! Спасибо на добром слове...

А.П.Чехов неоднократно возвращался в своих произведениях к экологическим проблемам России. Характерен монолог Астрова в пьесе «Дядя Ваня». Здесь под маской сельского врача, конечно, выступает сам Чехов. Астров — это высокоразвитый, но никем не востребованный, - ненужный интеллигент. Он составил, говоря современным языком, экологическую карту уезда, где показана обстановка 50 лет назад — и современная.

Астров говорит: «Раньше половина площади была занята лесом. Где по зелени положена сетка, там водились лоси, козы... Я показываю тут и флору, и фауну. На этом озере жили лебеди, гуси, утки, и, как говорят старики, птицы всякой была сила, видимо-невидимо: носилась она тучей... Рогатого скота и лошадей было много... В настоящем исчезли и лоси, и лебеди, и глухари. От прежних выселков, хуторков, скитов, мельниц и следа нет. В общем, картина постепенного и несомненного вырождения.

Если бы на месте этих истреблённых лесов пролегли шоссе, железные дороги, если бы тут были заводы, фабрики, школы — народ стал бы здоровее, богаче, умнее, но ведь тут ничего подобного! В уезде те же болота, комары, то же бездорожье, нищета, тиф, дифтерит, пожары... Тут мы имеем дело с вырождением вследствие непосильной борьбы за существование; это вырождение от косности, от невежества, от полнейшего отсутствия самосознания, когда

озябший, голодный, больной человек, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своих детей, инстинктивно, бессознательно хватается за всё чем только можно утолить голод, согреться, разрушает всё, не думая о завтрашнем дне... Разрушено уже почти всё, но взамен не создано ещё ничего».

Вот так А.П.Чехов и в якобы простом мужицком разговоре, и в монологе интеллигента-врача изложил, может быть, впервые в русской литературе, проблемы экологического оскудения земли Российской. Как и положено в современной экологии, разговор идёт о фауне (птицы, звери), флоре (леса), и реках, а потом о населении — простых русских мужиках и интеллигенции. Обзор, даже по современным понятиям, всеохватывающий. В результате показана гибнущая экосистема России, а вместе с ней — слабеющий и вырождающийся русский народ.

Как тут не вспомнить наше безвременье с его страшными экологическими катастрофами, вырубкой лесов, уничтожением крестьянства и сельского хозяйства, опустыниванием России! Задумаемся о том, насколько актуальны сегодня мысли великого писателя и его выводы!

А.Портнов.

Источник: Свет.-2010.-№ 5.-С.32-33.